

ФЕНОМЕН ДИСТАНЦИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ГИПОТЕЗЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В политологическом дискурсе дистанция власти все чаще рассматривается как ключевой индикатор политической культуры и институционального устройства государства. Она выражает характер распределения полномочий между властью и обществом, определяя степень готовности населения к принятию иерархии, подчинения и политического неравенства. Концептуализация данного феномена находит прочную опору в работах Г. Хофстеде, предложившего типологию культур по параметру дистанции власти [1]. Согласно его данным, Россия традиционно характеризуется как страна с высоким уровнем вертикальной дистанции, что подтверждается современными международными индексами.

В условиях постсоветских обществ, таких как Россия, высокий уровень дистанции власти может быть не только результатом исторических и культурных традиций, но и инструментом политической мобилизации и контроля, встроенным в структуру политического режима.

Исследование причин высокой дистанции власти в России требует рассмотрения не только институциональных, но и глубинных социокультурных факторов, формировавших российскую политическую традицию. Нами были выделены три основные гипотезы, объясняющие происхождение данного феномена: историко-централистская, культурно-патерналистская и институционально-иерархическая.

Согласно первой гипотезе высокая дистанция власти в России сформировалась как результат многовекового исторического курса на политическую централизацию. Еще в допетровский период укоренилась модель сакрализованной власти — сначала княжеской, затем царской — как неоспоримого источника порядка и легитимности.

С усилением самодержавной вертикали при Иване III и особенно при Иване IV Грозном, а затем в Петровскую эпоху государство последовательно вытесняло горизонтальные формы самоуправления (земства, вече, местное дворянство) и заменяло их вертикалью подчинения и контроля. В советский период эта модель была радикализована через жесткую партийную иерархию, систему командно-административного управления и культ вождя. Так, исторически сложившаяся модель политической централизации, переходящая из эпохи в эпоху, закрепила представление о власти как исключительном и независимом институте, стоящем «над» обществом.

Ключевая категория второй гипотезы — патернализм — центральная черта российской политической культуры, предполагающая восприимчивость населения к сильной власти, заботящейся о «подданных», но не требующей их политического участия. В рамках данной гипотезы дистанция власти формировалась как следствие устойчивого ожидания со стороны граждан, что государство выступает основным носителем ответственности и инициативы.

Как показали эмпирические исследования Левада-Центра и ВЦИОМ [2], в современной России сохраняется массовый запрос на «сильную руку», а 75 % россиян заявили, что стране требуется «сильный и властный руководитель», в то время как участие в политике воспринимается как дело власти, но не гражданина [3]. Такая ориентация снижает уровень запроса на политическую инклюзивность, легитимирует пассивность и способствует воспроизводству дистанции.

Современное российское государство продолжает развиваться в логике институциональной модели с преобладанием исполнительной власти и ограниченными возможностями для самостоятельного гражданского контроля. В этом контексте дистанция власти выступает не только как культурный феномен, но и как устойчивая структурная характеристика политической системы. Эмпирические данные социального мониторинга проекта «Как живешь, Россия?» подтверждают это: уровень доверия к общественным организациям, представляющим интересы граждан, составил 6,0 из 10 баллов, а к формам самоуправления — 5,8 балла, что отражает умеренную, но стабильную дистанцированность между институтами власти и гражданским участием [4].

Современная дистанция власти в России представляет собой не архаичный рудимент, а структурный элемент политической системы, отражающий глубинные особенности исторического развития, культурной традиции и стратегических приоритетов государства. Данная модель взаимодействия власти и общества направлена на обеспечение устойчивости, предотвращение социальной деструкции, а также реализацию долгосрочных интересов страны в условиях внутренней трансформации и внешних вызовов. Подобная вертикаль власти способствует консолидации политического курса, укреплению институционального порядка и сохранению управляемости в условиях высокой сложности глобальных процессов.

Таким образом, дистанция власти в России может рассматриваться не как препятствие, а как функциональный ресурс, позволяющий обеспечивать баланс между стабильностью, ответственностью и адаптивностью национальной модели государственного управления.

Источники

1. *Hofstede, G. Cultures and organizations: software of the mind / G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. — Columbus : McGraw Hill Education, 2010. — 576 p.*

2. Три четверти россиян говорят о необходимости сильной руки в руководстве страны // Левада-Центр. — URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/tri-chetverti-rossiyan-govoryat-o-neobhodimosti-silnoj-ruki-v-rukovodstve-strany/> (дата обращения: 19.03.2025).

3. Сохранить прекрасный пол // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhranit-prekrasnyj-pol> (дата обращения: 19.03.2025).

4. Левашов, В.К. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года : бюл. / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова. — М. : ФНИСЦ РАН, 2024. — 89 с.

Н.А. Ёдко

*Научный руководитель — кандидат исторических наук А.А. Киселёв
БГЭУ (Минск)*

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2007 ГГ.)

В современном государстве одной из ключевых составляющих его успешного развития является грамотно выстроенная образовательная политика. Одним из важнейших объектов образовательной политики является высшее образование, которое играет центральную роль в формировании человеческого капитала, развитии инновационного потенциала страны и обеспечении социальной устойчивости. Целью работы является изучение государственной политики в области высшего образования в Республике Беларусь в период с 1991 по 2007 г.

В указанный период в государственной политике в области высшего образования основное внимание уделялось формированию нормативной правовой базы, предоставлению доступа к высшему образованию всем слоям населения, а также социальным гарантиям со стороны государства. Основным приоритетом являлось построение высшей школы в условиях независимости с опорой на унаследованный опыт от Советского Союза и с учетом тенденций в мировом образовательном пространстве.

В рамках расширения доступности высшего образования стал развиваться частный сектор в сфере образовательных услуг. Активное развитие негосударственных учреждений высшего образования началось в 1993–1995 гг. Закрепление платного обучения регулировалось приказом Министерства образования «О порядке выдачи субъектам хозяйствования специального разрешения (лицензии) на осуществление образовательной деятельности любой ступени и типа» от 16 декабря 1992 г. [1, с. 67]. После принятия Конституции Республики Беларусь в 1994 г. стало возможным обучаться на платной основе и в государственных учреждениях высшего образования [1, с. 67]. В результате проводимой государственной политики отмечается прирост численности студентов в учреждениях высшего образования в два раза (+225 тыс. чел.) [2].